

ЭРА ДУМЕР

НЕДОСТРОЙ

Эра Думер Недострой

<https://litres.ru/74210707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Беляева — голос мёртвой Земли и оружие в войне нового типа. Она выжила там, где пали другие, и потеряла всё, что имело смысл. Грядёт великий суд.

Свитки переписываются, история лжёт. Союзники предают, враги целуют в щёку. Некто готовится завершить то, что начато задолго до основания Агентства Иномирной Недвижимости...

...а тот, кто открывал любые двери, захлопнул свою последнюю.

У Веры не осталось ничего, кроме пути. Но хватит ли ей сил пройти его до конца?

Третья книга цикла «Игла и Ключ».

Содержание

Посвящение	4
Далеко бежит дорога (впереди веселья много)...	5
ГЛАВА I. Ошибка	7

Эра Думер Недострой

Посвящение

*Твои шутки смешили меня до слез. Почему же твоя
смерть — не одна из них?*

Покойся с миром, Макс.

Далеко бежит дорога (впереди веселья много)...

Вера Беляева, в прошлом торговка из подземки и консультант Агентства Иномирной Недвижимости, ценой своей жизни остановила уничтожение Земли. Но вместо покоя ее ждал крах: Нулевой Консьерж обманул ее, а Ян — ее единственный союзник, нашедший доказательства вины АИН в апокалипсисе, — оказался потерян.

Спасение пришло с неожиданной стороны: отец Яна, Дайес Лебье, вырвал Веру из лап смерти, но лишь для того, чтобы запереть в «золотой клетке» идеальной иллюзии. Проведя годы в вымышленном мире, Вера чудом сбежала в реальность — заброшенный мир Ро-Куро. Там, в компании гениальных изобретателей Вельзевулов и язвительного макета Яна, она прошла через сюрреалистичный кошмар внутри космической китихи: петли времени, гладиаторские бои и столкновения со спецназом АИН.

Выяснилось, что Дайес Лебье ведет свою игру. Чтобы уничтожить АИН, ему нужна улика, зашитая в памяти собственного сына. Но Ян теперь — антидемиург, теряющий себя и медленно исчезающий в Пустоте. Пытаясь спасти его, Вера вовлеклась в божественные интриги сестер Инанны и Фурины, а также самой главы АИН — Эйн-Соф. В вероломном

нападении Эйн-Соф на Лаций герои потерпели поражение.

Сейчас Ян находится в глубокой коме — в состоянии Нирваны, из которой нет возврата. Эйн-Соф празднует победу, а Вера стоит у подножия страшной правды: она потеряла Яна, и способов вернуть его из небытия практически не существует...

ГЛАВА I. Ошибка

*Недострой вызван
некорректностью принятых на этапе
планирования решений, повлекшей невозможность
дальнейшей реализации.*

Я вырвалась и кинулась к недвижимому Яну. Обнимала, колотила по груди и щекам, дергала, целовала, пачкая царские доспехи слезами и слюной. Сгорбившись горгульей над его телом, раздирала рот в безмолвном крике, пока пальцы судорожно искали пульс на запястье, одновременно припадая к груди, ловя гулкий стук его сердца.

Лес сотрясся от громopodobного удара. На опушку обрушился град магических искр. Чернобог накрыл меня собой, а Джа-и — Яна, и мы притихли на земле, пока на нас сыпались обломки деревьев, камней и грязи. После серии взрывов наступила подозрительная тишина. Первым поднялся Джа-и и отправился на разведку. Мы с Чернобогом остались сторожить тело.

— Я знаю, что ты тут, пьянь, — заголосила Эйн-Соф. — Давай, демиуржонок, выходи поиграть.

— Что ты орешь-то, дура? — Джа-и поковырялся в ухе. — Я ж перед тобой стою.

— Меня ослепило вспышкой, — проворчала она и на его

смешок ответила вспыльчиво: — Завались!

— Ума не приложу, как такая круглая идиотка, как ты, сумела подвергнуть уничтожению тысячи цивилизаций. — Демиург прикрыл половину лица ладонью, вспыхнувшей сетью неведомых знаков; его накидка затрепыхалась от магических воздушных потоков. — Я готовлю тебе месть куда более изощренную. А сейчас разомнемся.

— Ну так нападай, я тебя научу уважать мое величие. — Эйн-Соф окружила руки серебристым сиянием.

Джа-и бегло оценил обстановку и крикнул нам:

— Вера, включай мозги! Главное оружие Януса — *ты*. — И щелкнул пальцами с горящим символом.

Я успела хватануть ртом воздух, попытаться вскрикнуть — и растянулась в песке. Тягучий шум морского прибоя обласкал слух.

— Жива? — спросил Чернобог и подал мне руку.

— Риторический вопрос... — я приняла помощь и отряхнулась от песка. — Ян в порядке?

— Нет, он в терминусе.

Кощей вновь поймал мой обреченный взгляд. Горе от ума, чтоб его.

— Что Джа-и имел в виду, как считаешь? — спросила я. — Я... Оружие? Как это так?

— Гм... — Чернобог посмотрел на Яна. — Я тут подумал про навигационную метку, которую поставил мне Лебье. Я ведь израсходовал ее заряд, но не обнаружил оружия.

— Зато ты... нашел по ней *меня*.

Мы переглянулись изумленно, будто впервые заметили дверь в квартире, в которой жили с самого рождения.

— Оружие Януса — вера, — медленно произнес Чернобог. — В этом, должно быть, есть что-то поэтичное. Я, правда, ни музыки, ни стихов не понимаю.

Я не сдержала легкой улыбки и показала на пальцах:

— Три раза.

— Что? — склонил голову Кощей.

— Ты уже три раза назвал его по имени без запинки. Что-то да значит.

— Ты сделала мне укол храбрости.

— Нет, — улыбнулась я, — тебе он ни к чему. Ты самый смелый парень из всех, что я встречала. Ты всю жизнь борешься с тьмой внутри себя, но помни, что один в поле не воин.

Чернобог, могла поклясться, зарумянился и прочистил горло в кулак. Он вновь сделался угрюмым подземным дядькой, но его образ в моих глазах уже не вязался с настоящим Кощеем.

Он присел около Яна, перевернул его на песке. Я обернулась на холм, зеленевший вдали: в небе мерцали лучи света и растягивались магические купола, как брезент накрывая рощу, где шло сражение Джа-и с Эйн-Соф.

Я остановилась.

— Стой-ка. Что ты мне только что сказал?

— Оружие Януса — вера...

— Нет, после!

— Укол храбрости?

— Укол... *Укол.* — Я убрала за уши волосы, которые норовил поднять соленый ветер. Сердце забилося. — Игла Веры.

— Не понял что-то. Что за Игла Веры?

«У Януса — ключ. У тебя — игла. Ваши дуэт — новорожденный бренд, и скоро о вас вострубит горн АКАШИ. Ту-ту-ту-у!»

Я ответила, что не уверена, но попробовать стоит. Села около Яна в позу лотоса, извлекла из уха ЦеЦе и настроила его на нового пользователя — наноробот влетел в его ухо, а я прикрыла глаза и мысленно скомандовала Сирфиде:

«Активируй Иглу».

— Ой... достопочтенная хозяйка, не бей меня за глупый вопрос мой! — пропищала Сири. — Это мне что, с дураком этим работать в паре?! Он же остолоп, каких свет не видел! Гостя Ли-Хе, лучше прихлопни!

Мое саркастичное лицо красноречиво ответило мухе: она пискнула и принялась сверкать всем «пчелиным» телом, ее полосочки, как индикаторы, светились разными цветами, пока я не услышала:

СВЯЗЬ С МОДЕЛЬЮ ЦЕЛЬНОМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЦЕ-

ПРОТОКОЛ «ИГЛА ВЕРЫ» ЗАПУЩЕН.

Вначале не было ничего. Затем — ничего. И после будет ничего. Ничего — определяющая все единица, которой нет, ибо итог всего — ноль. Пустоту не постичь: природа любого живого существа не допустит мысли, что его желания, цели и мечты иллюзорны.

Что есть в маленьком кусочке мозга, определяющем сверхъестественное переживание? Всем управляет гипофиз. Из него пришли «ангелы», «видения», и он выступает на передаче про экстрасенсов. Маленькая штука — для великого населения космоса.

Так вот вначале не было ничего. И «ничего» — это слово. Вначале было Слово. И слово это...

— Фигня какая-то.

— Вы издеваетесь?! Что вы устроили? — прогремел режиссер в громкоговоритель. — Что за шум на съемочной площадке? Я здесь так, — поерзал в складном стуле с надписью «director»¹, — ради фана сижу? Ты. Да, да, ты, с этой гигантской штуковиной... да мне без разницы, как она называется! Давай-ка поближе. Подсвети им лица нормально, я тебя Христом Богом молю. Им, а не мне в лицо! — расчувствовавшись, режиссер вскочил и принялся ходить вдоль ли-

¹ Режиссер (англ.) — здесь и далее примеч. автора.

нии, за которой располагалась комната, отделанная хромакеем. — Мы снимаем большое кино про любовь там, про миры, концы света... и все такое. Не голливудский проходняк.

— Текст по-дурацки написан, — актер обмахнулся стопкой бумаги. — По-любому дилетант писал.

Режиссер стал пунцовым:

— Его писал мой брат! Он — мастер слова. Это высокое искусство, дятел!

— Так, наверное, надо было сценариста позвать, а не писателя, — встряла актриса.

— Еще одна Анджелина Джоли из Томского областного театра! — всплеснул руками режиссер. — Вы чем сценарий читаете? — он скуксился. — И выплюнь наконец жвачку, ты же на съемках.

Режиссер потер переносицу — чрезмерно театрально, а затем скомандовал всем покинуть съемочную площадку. Операторы, звуковики, техники, помощники, гримеры... Вся киносъемочная ватага живенько ретировалась, обсуждая обед и кислый кофе из автомата.

Остались лишь площадка, обитая зеленой тканью, запах пыли, режиссерское кресло и трое из съемочной группы.

— Давайте успокоимся, — призвал режиссер, качнув ладонями и прикрыв веки с выдохом.

Актеры переглянулись. Один из них, блондин, сказал:

— Мы спокойны. Это вы на панике.

— Помнишь, как ты был счастлив? — усмехнулся режис-

сер. Покачал головой, его глаза слезились. — Как ты был счастлив, когда я позвонил и сказал тебе: «Роль Яна твоя. Ты справишься».

— Ну опять вы начинаете...

— А ты? — перебил режиссер, обращаясь уже к актрисе. — Тебе тридцать, но я поверил в твой потенциал сыграть двадцатилетнюю Веру Беляеву на «Оскар». Я верил в вас.

Та отвела взгляд и скованно достала изо рта жвачку, прилепив ее за ухом. Как наказанные домашние животные, они стеснялись смотреть оскорбленному руководителю в глаза.

Он смягчился.

— Мой брат написал великолепный рассказ «Нехорошая квартира». Вот это был шедевр! Элли, Волшебник Изумрудного Городка... — он размахивал руками, видя перед собой что-то, что было недоступно зрителю. — Искра, одиночество... о! Точно! Давайте, — покрутил кистью, будто наматывая пленку, — это самое, промотайте еще раз диалог в Нирване.

— Блин, да мы не понимаем, как эту Рвану отыгрывать, — топнула ногой актриса и закинула в рот новую подушечку жвачки. — Ее же типа нет, там типа ничего нет. Как нам представить декорации, которых нет? Веры с Яном тоже нет. Я не понимаю ни фигулечки.

— Я тоже, — подхватил актер. — По идее, я вообще типа не существую больше. Может, мне закадрово вещать?

Режиссер, выслушивая жалобы подчиненных, иронично

хмыкал, а после слов актера коротко сказал:

— Вещай. Вещай, мой дорогой. Можешь прям сейчас покинуть съемочную площадку, идти на радио, откуда я тебя вытащил из-за твоего невероятного «флиртующего» голоса — и там свои шлягеры исполнять. До седин, понял меня?

Актер, оказавшийся и вовсе певцом, обреченно вздохнул.

— Окей, — режиссер поскреб пальцем за ухом, — давайте просто прогоним текст. Начнем с места, где Вера подключает Сирфиду к ЦеЦе Яна. Поехали.

Актриса прокашлялась и с придыханием воскликнула:

— Ян, где ты? Отзовись.

— Вот я, — из-под палки ответил актер. — Ты иллюзия?

— Нет, я настоящая! — явственно переигрывая, ответила она. — Я пришла, чтобы ты пробудился! Я знаю, что твое истинное оружие — это...

— Стоп! — режиссер начал рвать на себе волосы. — Почему ты играешь Яна, как Веру, а ты — Веру, как Яна?! Вы меня в могилу сведете! Там лежат великие режиссеры и актеры, вот я к ним!

— Послушайте, Эйзенштейн вы наш, задача была — взломать Этаж сознания Яна, — сказал актер. — Если в ментале все трансы — планы, то логично, что Нирвана — нечто вроде Архива.

— И? — подбоченился режиссер.

— Вера уже взломала «Архив», — просияла актриса. — Нам типа буквально текст прогнать осталось. Мы тут номи-

нально существуем так-то. Вроде формы кода, который уже запущен.

— Вы мне зачем сюжет разжевываете? — поднял бровь режиссер. — Я похож на идиота? Мне прекрасно известно, что мы — протокол «Игла Веры» и наша задача — пробудить *реальных* Веру и Яна. Главное правило: показывать, а не рассказывать.

— Вы сейчас сами разжевываете... — почесал в ухе флегматичный певец.

— Все, завалили пачки и начали играть свои роли. Иначе я вас всех уволю, вернетесь восвояси. Сыграйте достойно. Я прошу. Камера, мотор, поехали...

Сначала я ощутила, что мои веки стиснуты до дрожи. В детстве, просыпаясь от кошмара, я долго лежала с закрытыми глазами, уверенная, что на потолке висит монстр. Он только и ждал, чтобы я увидела его невыносимую форму — и как только я его узрю, он станет реальным, как и любой кошмар.

Я выросла, чудовища видоизменились. В Нирване Яна я боялась открыть глаза и увидеть, что по-прежнему нахожусь на пляже в Лации, — бессильный, жалкий человечиска.

Увижу правду и пойму, что все напрасно. Что ничего не получилось.

Абсолютную тишину разорвал резкий кашель:

— Кхм-кхм!

— Кто это? — испуганно прошептала я. — Ян?

— Слава Абсолюту, нет. Я брат твоего хорошего знакомого. — На фоне зашелестела бумага, скрипнула мебель. — Фух... Ну, открывай глазки, приступим.

Я сделала, как он сказал, чисто из любопытства. Но увиденное меня озадачило. Точнее, не увиденное. Окружающее пространство состояло из черноты — хоть глаз выколи. Проморгавшись, спросила:

— Ну и где ты, дядя?

— Зови меня Режиссером.

— Откуда ты это сказал, Режиссер?

— Ты когда-нибудь играла в квесты? — Режиссер как-то понял, что я мотаю головой, и объяснил: — Видимо, до вас мода еще не дошла. Суть их проста: команду помещают в декорации и дают задачу — например, выбраться из комнаты или вычислить «убийцу». Все зависит от жанра. Есть даже хорроры.

Я покивала, поджав губы. Понятно, ни дня без странной фигни.

— Я в квест-игре?

— Нет.

— Тогда зачем ты рассказываешь мне о ее принципе?

— Не знаю! Почемучка земная, вот прицепилась. Еще молоко на губах не обсохло, а уже лезет и с мысли взрослых сбивает!

Меня осенило:

— Слушай, а ты случаем не приходишься родственником одному заносчивому Хранителю Земли?..

— Ясень — мой брат, — горделиво ответили мне. — Творческую кровь всегда заметно, даже в крошечной темноте.

— Это уж точно. — Я закатила глаза с усмешкой. Сердце не переставало волнительно колотиться. — Раз ты еще не напал на меня, и я в стремном месте, у «иглы» получилось проникнуть в этот стог сена, да? В твоих квестах предусмотрен ведущий?

Он рассмеялся. В тот момент я услышала помехи в его голосе, будто со мной говорили по радиосвязи.

— Наконец-то дошло. Да, я написал сценарий этой сюжетной арки по протоколу, прописанному мессиром. Здесь ничего нет, но скоро появится, ведь нет ничего сильнее слова.

Я подумала о Джа-и. Но как он узнал про устройство Вельзевулов? Черт, он на тысячу шагов впереди — я не поспевала.

— Ты готова?

— Да. Помоги мне вернуть Яна. — Я сцепила ладони. — Пожалуйста.

— Ну что ж, начинаем сказывать миф!

«Игла — символ ремесла и медицины. Ею вводят под кожу лекарство и берут кровь, а еще зашивают раны и дырявые ткани. Экстрасенс раскачивает иглу на нитке — и

«маятник» находит местоположение пропавшего без вести человека, а инженеры встраивают иглу в компас. И с помощью компаса кто-то выходит из темного леса или причаливает к берегу, пройдя морскую пучину...»

Меня убаюкивал рассказ. Я словно растворялась в темноте, пока не посветлело. Метрах в двадцати появился круг света, к которому я немедленно подбежала. Винтажный резной столик с круглой столешницей, покрытой салфеткой-макrame. Я не сразу обнаружила на ней блестящий предмет, похожий на малюсенькую отвертку с драгоценным острием на конце. «Отвертка» держалась в металлической рамке.

«Возьми ее».

Я сделала, как велел Режиссер. Он продолжил:

«Стальная дешевле и быстрее ломалась. А алмазный звуко-сниматель может долго-долго скользить по спиральным канавкам виниловых пластинок. Принцип прост: когда вы заводите пружинный двигатель ручкой, начинает двигаться диск, на котором лежит пластинка с иглой в канавках. Игла передает колебания на мембрану, а раструб усиливает звук. Игла создает мелодию...»

Загорелся второй круг. Вновь покрытый салфеткой столик, но на нем уже стоял граммофон с золотым раструбом. Как будто знала, что надо делать: подошла и присоединила звукосниматель к тонарму. Детали примагнитились.

«Необходимо выбрать мелодию. Печальное или бравурное? Классика или преходящий хит? Сыграй грезу Того, кто говорит из снов — пережившего смерть не единожды, пересекающего гиперреальность через само средоточие мироздания».

Пух-х! Загорелся третий фонарь. Я вошла в круг без колебаний и не удивилась появлению шкафа с полками, забитыми потертыми конвертами виниловых пластинок. На них не было ничего, кроме рисунков: спирали, треугольники, двери, глаза. Я вытащила красный, на нем чернел символ иглы, оплетенной собственной нитью, что пересекался в центре с винтажным ключом.

Я вернулась к граммофону и извлекла пластинку из конверта. Опустив ее на диск, поставила тонарм — игольчатый носик опустился в колею. С хриплым шуршанием заработал звук, но я не сразу расслышала его.

— Как гудение высоковольтки, — заметила я. — Неприятно.

«А ты вслушайся».

Обратившись в слух, я начала разбирать полутона. Такие, как птичья трель. Даже далекое карканье ворон. Глухие басы раскачивали мелодию, выстукиваемую медным молоточком, и я прикрыла глаза, позволив разуму поплыть по течению звуковых волн. Пахнуло свежей влагой. Я открыла глаза, посмотрела на руки, и у меня перехватило дыхание от счастья: от меня остался лишь спектральный силуэт. Словно я надута как пузырь. Легко. И волосы — радужный перелив тонких нитей, и одежда, и ногти, и шнурки — я вся состояла из воздуха и мыльного раствора. Я могла бы подлететь, но не было нужды: меня несли теплые потоки.

Я перевернулась на спину и позволила своему разуму плыть в безграничности. Несравнимый ни с чем опыт сопровождался умиротворяющей мелодией. Она пронизывала меня бинауральными ритмами, и я ни о чем не думала, лишь плыла, плыла, плыла...

«Ты полностью растворена».

Меня не стало.

Я — лишь отзвук ритма неявленного трансцендентного.
Я — аум, божественная тональность.

Я — нота, сыгранная на кифаре Орфея.

«Отлично. Квест только начался. Ты слышишь лишь мой

голос, и мой голос является для тебя проводником. Нитью для иглы... Как тебе шутка? Сам придумал. Кхм, не отвлекаемся! Итак, отбойная звуковая волна выбросит тебя на берег острова одиночества, Нирваны Януса. Ты должна повернуться к острову спиной, лицом — к океану, который тебя принес. Как только встанешь так, досчитай от девяти до одного и шагни в воду. Ты сможешь идти по воде, как... Впрочем, не важно, как кто. Значит, будешь шагать до тех пор, пока не увидишь дверной проем. Черный прямоугольник, ты сразу его заметишь. В него шагнешь — и Янус выйдет вслед за тобой.

Главное правило — простое как пять копеек: не оборачивайся. Ни при каких условиях ты не должна смотреть на возлюбленного. Если забудешь о правиле, вспомни о бедняге Орфее, что обернулся на Эвридику. Вот он, идеальный пример «ошибки дурака», на которых учатся такие умницы, как ты.

Запомнила?

Будем считать, что да. Правило несложное.

Вперед, игла! Да прольется песнь орфеева по подземному царству...»

Я вновь обрела себя от удара в грудину. У меня выбило воздух из легких, я согнулась, но тут же меня хлестануло по спине, промеж лопаток, не дав возможности продышаться. Я никогда не падала с высоты, но ощущения были схожи

с ударом об асфальт. Меня оторвало и начало болтать, как носок в пустой стиральной машине.

Пытаясь позвать на помощь, захлебнулась белой пеной, перемоловшей песок и веточки. Волна убывала, вымывая меня, как каменный останец, и я все чаще и дольше видела куски лазурного неба, пальмовую лапу, валуны, брошенные вдоль берега...

Волна подхватила меня и швырнула по песку, как шар для боулинга. Меня протащило, и я распласталась в морской пене. Солоно и кроваво — рассадила щеку. Я приоткрыла глаза и поднялась на дрожащих руках. Все вокруг покачивалось и озарялось вспышками. Гул, в котором угадывался аум, слился с шумом океана.

— Аум! Ведущий! — прошептала я и тут же вспомнила его напутствие. — Не оборачиваться. Хорошо.

Я поднялась и, не задерживая взгляд на острове, повернулась к океану. Он казался безграничным.

— Девять... Восемь... Семь...

Саднило рассеченную кожу. Дыхание все никак не восстанавливалось. Но я была счастлива, хоть и боялась радоваться раньше времени. Было в моем страхе что-то суеверное, как у Чернобога.

— Шесть, пять, четыре...

Заставляла себя не ускоряться. Плечи пекло от солнца, я дышала тропическим теплом, свежим бризом и солью и физически принуждала себя не торопить счет. Самый долгий

обратный отсчет в моей жизни!

Три.

Два.

Один.

Не задерживаясь, я шагнула в воду. Как будто между ступней и океаном образовалась воздушная подушка — я легко сделала второй шаг, а третий, четвертый и пятый обгоняли друг друга по скорости. Я почти бежала.

«Ты поспеваешь за мной?» — мысленно спросила я Яна, чувствуя его поступь.

Я боялась даже заговорить с ним, чтобы не развеять магию. Не совершить орфеевой ошибки. Меня тянуло одним глазком взглянуть на любимого — хоть в отражении водной глади, по которой мы двигались навстречу далекому горизонту. Но я усилием воли обращала взор к голубому небу.

Впереди — отражения облаков в воде. В какой-то момент я перестала различать небо и море, просто шагала в этом пространстве. Сердце билось об избитые отбойной волной ребра. Я не могла поверить своему счастью.

И тогда я услышала шепот:

— Иголочка...

Я не остановилась, но сердце забилось чаще.

Он говорил со мной.

Он здесь!

Но отвечать и оборачиваться нельзя. Я шла дальше, хоть шаг и тяжелел, будто на голеностоп навесили спортивные

грузы.

— Послушай меня, — попросил он. — Это все обман!
«Почему?» — я понадеялась, что он услышит мои мысли.
Голос Яна звучал умоляюще:

— Этот Режиссер — полный кретин. Он тебя запутал!
Черный проем — это не выход, а *вход* в Нирвану!
Что он такое говорил? Блин!

Над горизонтом появилась черная полоска и постепенно вытянулась в тот пресловутый проем. Я замедлила шаг, оттягивая момент выхода, чтобы успеть что-то придумать.

Это наверняка ловушка, я не Орфей, я не поведусь.

— Иголочка, ну же! — Ян говорил сбивчиво, волнуясь. —
Стал бы я тебе лгать! Остановись. Если ты не обернешься,
у нас не будет будущего. Я выйду, если ты о-бер-нешь-ся!
Клянусь всем, что у меня есть!

Я стиснула череп ладонями и помотала головой. Черт.
Черт. Черт! Это какая-то психологическая ловушка, о кото-
рой не предупреждал Режиссер. Мало того, что меня тяну-
ло проверить Яна каждую секундочку дурацкого похода по
океану, так еще и его мольбы сбивали с толку.

Черный проем приближался. Надо было решаться: ша-
гать, не глядя назад, или послушаться Яна. Это же был на-
стоящий Ян, *мой Ян*! Стал бы он мне лгать?

— Посмотри на меня, милая, — лишенным надежды го-
лосом позвали меня. — Прошу тебя. Я не могу коснуться
тебя, пока ты не посмотришь на меня. Дурацкое нирванское

правило. Одним глазком! Давай же, ты справишься!

На пороге дверного проема без двери я не выдержала. Сморгнула слезы и обернулась.

Всего лишь на миг я увидела призрачное лицо Яна. Протянула к нему руки, но небо затянуло грозовыми тучами, разразилась молния, начался шторм, и меня затянуло в черный проем.

— Ян! — завопила я, но божественная музыка оборвалась, дверь захлопнулась, и я погрузилась во тьму.

Я слышала только свои всхлипы. Затем раздалось разочарованное цоканье языком и голос:

«Ну и ну. Испытание простое, а ты его завалила. Я же сказал: не оборачивайся. Обидно, правда. Как в игре "Кто хочет стать миллионером?", ты выбыла на последнем вопросе, в шаге от выигрыша. Э-эх! Сорвал бы с себя шапку и бросил в ноги, но ни шапки, ни ног у меня нет... Ну что ж ты, бедовая?..»

Я его не слушала. Бегала по черноте и размахивала кулаками, чтобы наткнуться на заветную дверь.

— Верни меня! — до надсады орала я. — Я еще раз попробую! Мне нужен второй шанс!

«Малышка, никаких вторых шансов Нирвана не дает. Ты оказалась недостойна вывести Януса из обители, потому

что нарушила божественное правило. Мне самому смерть как обидно, видно, я у тебя не вызвал должного доверия... Что ж, поучительная и горькая история».

Раздался щелчок.

И меня, орущую «не-е-ет!», вернули в реальность.